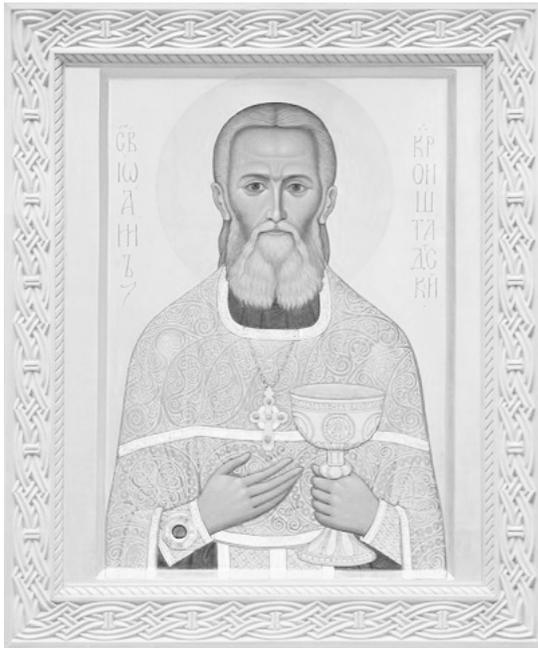

ПЕСТОВСКИЙ АНГЕЛ

Приходская Православная
газета церкви
во имя святого праведного
Иоанна Кронштадтского
г. Пестово

№ 12 (ДЕКАБРЬ) 2016

Издается по благословению Преосвященного Ефрема
Епископа Боровичского и Пестовского

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОСТ

Декабрь, кажется, что уже совсем скоро новогодние каникулы – праздник радости и света. Ожидание Нового года и Рождества – всегда предвкушение чуда, подарков, хороших перемен... Магазины перед праздником полны веселой суетой, родные и друзья будут приходить в гости, поздравлять, угощать самыми вкусными блюдами. И вот посреди этого веселья Церковь из года в год говорит нам, что время перед Рождеством – не для гуляний и веселья, а... для поста. Почему? Зачем накануне такого радостного праздника изнурять себя воздержанием? Ради чего это делается?

На протяжении веков в Церкви сформировалась очень интересная практика – самые важные дни церковного календаря так или иначе предваряются постом. Не является исключением и Рождество – этому празднику предшествует сорокадневный период, который в Православии начинается 28 ноября и заканчивается Сочельником. В католичестве дата начала поста (на Западе он называется Адвентом) перемещается между 27 ноября и 3 декабря, но он также заканчивается Сочельником. О чем хочет сказать нам Церковь, установив перед Рождеством целых сорок постных дней?

Пост – понятие многогранное. С одной стороны, это время повышенного внимания к своему внутреннему миру, время исправления и очищения, время того, что в христианстве называется покаянием. С другой стороны, это период подготовки к чему-то очень важному. В Библии можно найти много примеров того, как к судьбоносным и решающим событиям в своей жизни люди готовились через самоограничение в еде и веселье, через особое внимание к молитве. И, наконец, третий аспект поста – это жертва Богу. Она может иметь разные формы. Например, ограничить себя в развлечениях, активно заниматься благотворительностью, помогать тем, кто нуждается в нашей помощи. Иными словами, жертва предполагает, что мы ущемляем себя в чем-то, и освободившиеся ресурсы направляем не на удовлетворение своих

запросов, а отдаем их Богу и другим людям.

Иногда нам кажется, что радость и пост – понятия несовместимые. Но это не так. Наоборот, когда человек начинает внимательно относиться к своему внутреннему миру, его душа становится светлее, а жизнь – более осмысленной. Преодолевая свои большие и мелкие страсти, мы испытываем радость от победы над ними. Не нагрубить в транспорте, простить того, кто нас обидел, промолчать, если нас провоцируют на ссору, – разве не испытываем мы радости в тот момент, когда преодолеваем себя? Во время поста человек призван измениться качественно.

Если же не есть мяса, но при этом не бороться со своими страстями, то пост превратится в простую диету. Польза для души от него будет равна нулю.

Радость Рождества и поста, который ведет к нему, – это радость встречи с Христом. Рождество открывает одну из самых главных истин христианства – истину о том, что Бог, Творец вселенной, ради спасения человека стал одним из нас. Ради победы над смертью Он пришел в наш мир. То, о чем мечтали многие поколения людей, наконец свершилось в Вифлеемской пещере.

Рождественский пост, Филиппов пост, Адвент – как бы ни назвался период перед Рождеством, он подготавливает нас к принятию очень важной истины – благой вести о Воплощении Бога. И если бы этого не произошло, если бы Рождество было рождением простого человека либо красивой легендой, то не было бы ни Воскресения, ни победы над смертью, ни самой Церкви как Тела Христова. Наконец, самое главное: если бы не было Рождества, то не было бы и нашего спасения! Ведь оно свершилось не только на Голгофе или в Гефсиманском саду. Дело нашего спасения от смерти уже началось, когда в убогой пещере на окраине Вифлеема родился Христос. И именно Ему навстречу идет человек на протяжении всего Рождественского поста.

Митрофанова Алла

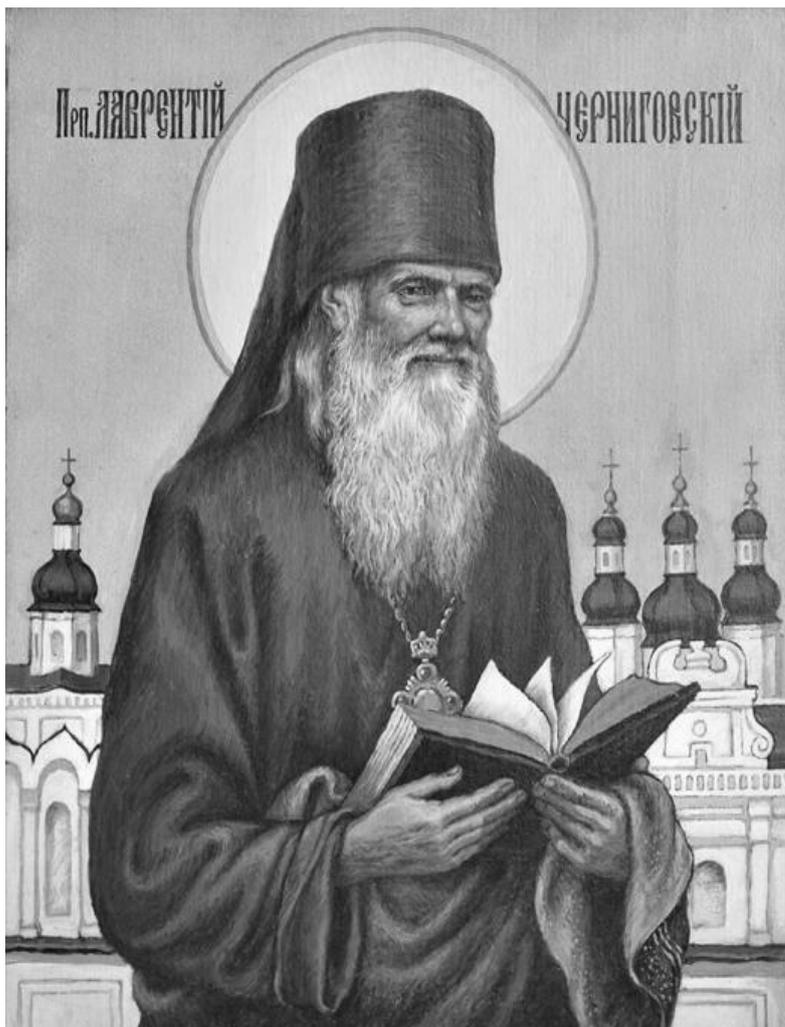

ЛУЧШЕ СОЛНЦУ ПЕРЕСТАТЬ СВЕТИТЬ...

Вообще отношение к чтению Псалтири - это серьезный показатель глубины веры человека. Преп. Лаврентий Черниговский очень серьезно относился к чтению кафизм в храме и говорил «Лучше солнцу перестать светить, чем кафизмы перестать читать»...

Ни одно молитвословие не может сравниться с Псалтирью из-за ее всеобъемлющего характера. Греческий философ и монах Евфимий Зигабен называет Псалтирь «...общедоступной лечебницей, где излечивается всякая болезнь. Причем удивительно то, что ее слова приличествуют всем людям - особенность, свойственная одной этой книге, которая представляет собой изобилие всякого созерцания и правил жизни, общественную сокровищницу наставлений, содержащую в себе при этом только то, что полезно.

Чтение псалмов - это собеседование с Богом, назидание души и поддержание ненарушимой памяти божественных слов. Для начинающих учение - это самое первое и основное наставление, для успевающих в учении - приращение познаний, для оканчивающих - утверждение в приобретенных познаниях. Псалом - это неодолимый щит, самое лучшее украшение для начальников и находящихся под начальством, для воинов и для людей вовсе незнакомых с военным искусством, для образованных и необразованных, для отшельников и для людей, принимающих участие в делах государственных, для священников и мирян, для живущих на суше и островитян, для земледельцев и мореплавателей, для ремесленников и для не знающих вовсе никакого ремесла, для мужчин и женщин, для старцев и юношей, для людей всякого происхождения, возраста, положения в свете, для людей всякой профессии.

Псалом для человека - это совершенно то же, что веяние воздуха, или разлитие света, или употребление огня и воды, или вообще что-нибудь такое, что всем и необходимо и полезно. В высшей степени удивительно то, что работающие, не отвлекаясь пением псалмов от своей работы, облегчают этим ее трудность».

«Здесь есть совершенное богословие, есть пророчество о пришествии Христовом по плоти, есть угроза суда Божия. Здесь внушается надежда воскресения и страх мучений. Здесь обещается слава, открываются тайны». Все это сказал святитель Василий Великий ни о чем ином, как о великой, неистощимой и всеобщей сокровищнице - Псалтири.

www.simvol-veri.ru

ОДНО СПЛОШНОЕ «НЕЛЬЗЯ»

Кот без греха

Однажды со мной перестала разговаривать прихожанка.

Раньше постоянно подбегала благословиться и в храме, и на улице, норовила подойти задать вопрос, попросить молитв, справиться о здоровье детей – а тут обходит стороной... Может, чем-то я ее обидел? Да вроде не было за мной ничего такого. «Мало ли, чего там у нее, — подумал я. — Если надо будет, сама скажет...»

И действительно, через несколько месяцев подошла она и сказала: «Простите, батюшка, я вас осуждала и роптала. Помните, в Великий пост мы встретились на рынке, поздоровались? А я ведь тогда увидела, как вы на рынке куриную печенку покупали. Вот искушение и настигло. Думаю, какие же эти священники лицемерные! Нам всё запрещают, а сами...»

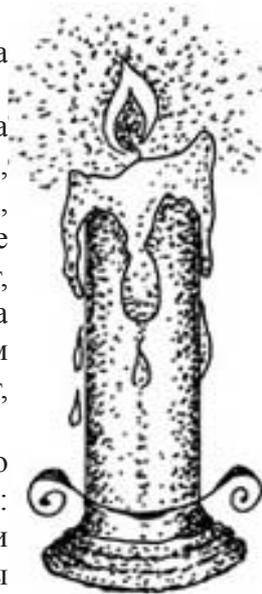
Вот оно что! Я объяснил, что печенку-то покупал для кота. Ибо кот, в отличие от человека, греха не имеет, а, следовательно, нет у него нужды ни в покаянии, ни в аскезе, ни, в частности, в посте. Прихожанка облегченно выдохнула, мы посмеялись, и инцидент был исчерпан.

Но и этот случай, и многие другие – повод задуматься над тем, почему христианство многими воспринимается, прежде всего, как религия запретов.

Нельзя, и ещё раз нельзя

...Во время Литургии плач в храме: сердобольная старушка сунула ребенку конфетку, а мама отобрала, потому что ему причащаться, нельзя.

У прихожанина спросили о смысле одного места молитвы перед Причастием. Он смутился: «Я не знаю... Как-то ни разу о смысле не задумывался, главное ведь – успеть прочесть перед Причастием эти самые молитвы и каноны, а они длинные. Вечером придешь с работы, встанешь с молитвословом, читаешь – глаза

слипаются, какой там смысл. А не вычитать всё нельзя...»

Отец = ремень?

Одно сплошное «нельзя». Да и заповеди-то Божьи почти все начинаются с «не»... О какой такой радости христианства вы, батюшка, говорите? Наше дело – каяться в грехах, а радость – это от лукавого. Наша радость – что не будут мучить там, в загробном мире, если только душа мытарства суровые пройдет... А до тех пор – нельзя.

Что, говорите, Евангелие перечитать? А отцы-то ведь учат, что мирянину самостоятельно читать и толковать Священное Писание нельзя, только на

службе слушать благоговейно. Говорят, один вот так прочитал Библию и в прелесть впал, теперь в психушке лечится... И вообще, батюшка, что это у вас за разговоры либеральные такие? Православному человеку воли давать негоже. Нам не такой батюшка нужен. Нам Сталин нужен, вот кто. Чтоб железно руководил, чтоб думал и отвечал за нас, чтоб порядок был, иначе ведь с нами нельзя...

Думаете, я утрирую? Отнюдь. Такое настроение распространено среди многих православных прихожан: непременно надо выучить все запреты церковные, чтобы случайно не согрешить, ведь Бог – Отец, а отец — это, прежде всего, ремень.

Мало того, к имеющимся каноническим запретам народ с удовольствием присоединяет свои, выдуманные: между аналоем и солеей – не ходить, по главе Христа ходишь; платок в храме не надела – рак головы будет; на Усекновение круглое есть – тяжкий грех; собака в доме – благодать из дома; после причастия иконы целовать нельзя; И множатся эти суеверия, и толстеют издаваемые невесть кем книжки с длинными перечнями грехов, и тяжелеют сии бремена, воистину неудобноносимые...

(Продолжение на стр.5)

(Продолжение)

И такое же мнение о Церкви бытует среди изрядной части светской общественности: христианство — это подавление свободы личности, средневековье, мракобесие и домострой. В этом взгляде нецерковные обличители Церкви, борцы за толерантность сходятся, как ни странно, со своими кажущимися антагонистами — суровыми «ревнителями благочестия». Не по внешним признакам — одни вроде бы против Церкви, другие ее защищают, но по сути: в представлении тех и других Церковь — территория сплошного запрета.

Заслужить спасение

Что еще объединяет тех и других? Глубинное непонимание того, что такое свобода.

Вот читает человек в послании апостола Павла: «К свободе призваны вы, братия». «Ага, — думает. — Ну-ка, что там дальше, что там еще про свободу-то?» А дальше: «Только бы свобода ваша не была поводом для угождения плоти» (Гал. 5:13). «Э, — разочарованно думает человек, — какая же тогда радость? Ведь радость — это как раз и есть угождение плоти. Еда-питье, красивая одежда, поездки в Гоа, “благодать” — в смысле, после трудов праведных да после баньки выпить заслуженную кружечку пивка холодного... Ну, еще простой набор простых чувств, испытываемых например к женщине, ребенку, родному дому, красивому пейзажу. Праведное довольство попираания поверженного врага. Всё это и многое другое, что описываемо одним понятием “приятности”. А тут написано, что это вроде как плохо. Опять, выходит, запрет».

И дальше человек выбирает: или войти в эту систему запретов, постараться стать тут своим, научиться вести себя хорошо и тем заслужить спасение, а там, глядишь, обрести право других прещать и поучать. Или вздохнуть: да это все мракобесие, и отвергнуть Церковь, раз она запрещает всё, от чего я не в силах отказаться.

Но и та, и другая позиция — порождение материализма, в котором мы варимся с молодых ногтей, нечуткости ко Христу и евангельской Вести, нежелание знать Царство — нашу

подлинную родину, неумения и нежелания жертвенно любить. И церковные апологеты запретов, и нецерковные апологеты вольницы в этом едины.

Рекомендации для жизни

Да, апостол прав: свобода — не повод для угождения плоти. Не повод для потакания беспределу похотей, самости, гнева, блуда, для оправдания собственной нечистоты (именно это нередко имеют в виду под «свободой» многие критики Церкви).

Свобода — это ответственность в жертвенном служении тому, кого любишь, и готовность идти за ним и на Голгофу, и в Воскресение, и жить с ним вечно. Словом, свобода едина с любовью, с тем главным, что нам заповедал Бог. А без любви нет и радости, нет и положительного смысла в жизни. И что будет делать такой ревнитель запретов в жизни вечной, чем он там будет жить — ума не приложу.

Сами по себе ограничения, хотя они бывают и нужны в процессе взросления личности, жизнь не исчерпывается.

Скажем так, заповеди запрета — это рекомендации для выживания, а заповеди свободы и любви — рекомендации для жизни, ведь ограничиваться только выживанием невозможно.

Да, маленькому ребенку надо говорить «нельзя» — чтоб не лез пальцем в розетку, не играл со спичками, не писал в штаны, а учился ходить на горшок. Но есть в мире, кроме этого, и другие важные вещи: научиться выбору и ответственности за свой выбор, научиться любить, научиться быть счастливым и дать счастье ближнему, научиться творческому отношению к труду, вложить в дело те таланты, которые тебе дал Бог, и ими приумножить Его Царство. Научиться достойно умереть и воскреснуть вслед за Христом. Это может сделать только свободный человек. А инфантильный, предпочитающий до старости иметь над собой то карающую, то награждающую вкусеньким няньку, которая руководит, указывает, что делать, и ответственность за это берет на себя — не сможет.

Священник Сергей Круглов

СМЕРТЬ ПОБЕЖДЕНА

Мне никогда не забыть, как однажды по вызову наша бригада приехала к пожилому священнику, которого свалил инфаркт. Он лежал на кровати в тёмно-синем подряснике с небольшим крестом в руках. Объективные данные говорили о кардиогенном шоке. Давление крайне низкое. Больной был бледен, с холодным липким потом, сильнейшими болями. При этом внешне не просто спокоен, а АБСОЛЮТНО спокоен и невозмутим.

И в этом спокойствии не было никакой натяжки, никакой фальши. Мало того. Меня поразил первый же заданный им вопрос. Он спросил: «Много вызовов? Вы, наверное, ещё и не обедали?» И обращаясь к своей жене, продолжил: «Маша, собери им что-нибудь покушать». Далее пока мы снимали кардиограмму, вводили наркотики, ставили капельницу, вызывали «на себя» специализированную реанимационную бригаду, он интересовался, где мы живём, долго ли добираться до работы. Спросил слабым голосом, сколько у нас с фельдшером детей и сколько им лет.

Он беспокоился о нас, интересовался нами, не выказывая и капли страха, пока мы проводили свои манипуляции, пытаясь облегчить его страдания. Он видел наши озабоченные лица, плачущую жену, слышал, как при вызове специализированной бригады звучало слово «инфаркт». Он понимал, что с ним происходит. Я был потрясён таким самообладанием.

Через пять минут его не стало.

Странное, не покидающее до настоящего времени чувство вызвала во мне эта смерть. Потому что чаще всего всё бывает вовсе не так. Страх парализует волю больных. Они думают только о себе и своём состоянии, прислушиваются к изменениям в организме, до последнего вдоха цепляются за малейшую возможность жить. Всё что угодно, но лишь бы жить.

В квартирах, где нет места иконам и крестам, но зато есть плазменная панель во всю стену, где в передней просят надеть целлофановые бахилы,

несмотря на тяжёлое состояние больного, вообще, бывает, разыгрываются «истерика последней минуты». Со стонами, метанием по постели, хватанием за руки, заглядыванием в глаза, беспрестанным переспрашиванием о своём положении и его прогнозе с целью поймать во взгляде врача, его голосе, словах хоть какую-то призрачную надежду на чудо исцеления.

Такие больные перед впадением в бессознательное, предагональное состояние просто «измочаливают» родных и окружающих своим страхом. Медики чувствуют себя после такого неудачного исхода обессиленными. Но не потому, что не смогли оказать помощь в полном объёме и спасти пациента. Опустошённость и потерянности испытываешь от того, что смерть здесь победила человека.

К слову сказать, точно такие же «побеждённые» страхом больные встречаются там, где все стены увешаны иконами, столы завалены религиозной литературой, везде сумеречно мерцают лампы, а больные вместо прописанных врачами лекарств пьют только святую воду, многие литры которой в разной таре можно увидеть повсюду в квартире.

А вот после смерти того священника до сих пор, как ни странно, во мне живёт чувство тихой радости. Там смерть не одержала победу. И когда я «прокручиваю» в памяти 2–3 подобных случая из моей практики, сам собой возникает вопрос: «Смерть, где твоё жало?»

Георгий Егоров, врач «Скорой помощи»

МШЕЛОИМСТВО

Это такой вид греха, точнее, такой греховный образ жизни, когда у человека есть нечто, что ему самому не нужно, но это нечто, ему ненужное, он тем не менее под себя кладет, а другим не отдает. Здесь на ум сразу приходит знаменитый гоголевский персонаж, к которому «и дороги - то знать не советовали».

Слово «мшелоимство» происходит от старинного корня «мшель» — прибыль (Толковый словарь В. Даля).

Надо помнить, что молитвословы составлялись применительно к монашеской жизни. Тогда это слово обозначало собирание монахом в своей келии ненужных ему в обиходе красивых, ценных предметов, накопительство.

Один из монашеских уставов говорит: «Монашествующим не должно заводить в келье лишних вещей, впадать в грех мшелоимства. Лучшим украшением иноческой кельи служат святые иконы и книги Священного Писания, а также творения Святых Отцов. Келья монаха содержит крайний минимум всего, без чего нельзя обойтись в ней. Келья должна быть красной не вещами, а духом веры и молитвы живущего в ней инока. Светские же и мирские вещи и принадлежности не должны находиться в келье» (Из устава Свято-Троицкого мужского монастыря).

Святые отцы - подвижники довольно строго высказываются об этом греховном состоянии. Преподобный Лев Оптинский (1768-1841) говорит: «Что же касается вещелюбия и мшелоимства (сиречь излишества различных вещей), то сия немощь, по рассуждению святых отцов, горше и преебедственнее сребролюбия». А преподобный старец Паисий Святогорец (1924-1994) так объясняет пагубность пристрастия к вещам: «Само по себе сердечное пожелание не является злым. Но вещи, пусть даже и не греховные, пленяя частичку моего сердца, уменьшают мою любовь ко Христу. Если я желаю получить что - то полезное, например, книгу, и это полезное пленяет частичку моего сердца, то

такое пожелание недобро. Почему книга должна пленять часть моего сердца? Что лучше - хотеть книгу или вожделевать Христа?»

Это говорят монахи. А как же быть простым православным? Нужно всегда помнить, что путь спасения мирянина по сути ничем не отличается от монашеского. Монахи удаляются в пустыню лишь для того, чтобы удобнее проходить этот путь, который для всех : и монахов, и мирян — состоит в исполнении Христовых заповедей. Конечно, мы пока еще далеки от того, чтобы отдать и верхнюю одежду, и последнюю рубашку, по слову Христову. Однако каждому из нас наша христианская совесть должна подсказать, не нуждается ли кто-либо больше меня в той вещи, которая мне совершенно не нужна, и если нуждается, то с легким сердцем пойти и отдать ее.

Иеромонах Серафим (Калугин)

О ЛЮБВИ К РОДИТЕЛЯМ

Приехала одна женщина к Батюшке Виталию (Сидоренко), целует ему руки. А он ей говорит: «Тебе легко мне целовать руки, а дома матери целуешь руки?» — «Нет». — «Значит, твоя любовь лицемерная».

Часто спрашивал тех, кто к нему приходил: «Как ты с матерью обращаешься? Берешь ли у нее благословение?» И учил слушаться, смиряться перед родителями, брать у них благословение на всякое важное дело, целовать их руки. Был такой случай. Дочь после размолвки с родителями умерла без примирения. Матери часто снился ее гроб, стоящий в доме. Она обратилась к отцу Виталию, и он дал ей такой совет: «Пойди на могилку дочери и скажи: «Прощаю от всех руганий, проклятий и обид, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь», — крестя при этом могилу». После того как это было исполнено, тяжелые сновидения прекратились. И в письмах к чадам батюшка постоянно учил почитать родителей: «Маму простите и, если она жива, пойдите к ней, и просите прощения, а если не жива, пойдите на могилку, поклонитесь до земли и скажите: «Мама, прости меня во имя Отца, и

Сына, и Святаго Духа. Аминь». И сами скажите: «Прощаю, мама, Вас, когда ругала или кляла. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Перекрести могилку, поцелуй землю».

Люби маму, ежедневно бери у нее благословение. Непокой в душе бывает от неповиновения родителю. Любите детей, всех благословляйте, не укоряйте, а ласково обращайтесь. Ласковое слово аки вода. Она мягкая, а камень пробивает.

По книге «О жизни схииерхимандрита Виталия»

ТАК НАДО ЖИТЬ...

Старец Паисий рассказывал, что его мать с малых лет научила его молитве, не говоря ему никогда о молитве:

«Наша мама никогда не требовала: «Помолитесь». Мы просто слышали, как она произносила: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!»- когда месила тесто для хлеба».

Так и надо жить. Занимайся своими делами, а другого оставь в покое. Не возись с ним. Заботься о спокойствии своей души. И он почувствует это благоухание, он его поймет.

Мать старца Паисия доставала еду из печи и снова произносила молитву. Падала вилка на пол - она не нервничала. Разбивалась чашка - его мать молилась.

«Мы получили очень правильное воспитание, - говорил старец,- нас не раздражали. Дома мы чувствовали себя как в раю, мы любили оставаться дома, и это было утешением для наших родителей».

Архимандрит Андрей Конанос

МИЛОСТЫНЯ

Это случилось в 1943 году в Омске, когда мне было одиннадцать лет и наша семья жила там в эвакуации. Всё произошло на глазах у моей мамы.

Перед входом на рынок обычно сидела нищенка, низко опустив голову. Трое ее малолетних детей бегали по рынку, попрошайничали. Всё, что им давали (кусочек хлеба, картофеля, луковичку), они уносили матери, а та делила добычу на три части и вновь продолжала сидеть с опущенной головой.

Во время войны в Омске было много госпиталей, и раненых в их синих больничных халатах можно было встретить повсюду.

Однажды группа раненых летчиков подошла к рынку. Увидев нищенку и бегающих около нее детей, один из них сказал:

— Давайте дадим ей тридцатку! Пусть купит молока детям.

Тридцатка была крупной суммой — достаточно сказать, что зарплата врача в те времена

составляла 400 рублей.

И летчик опустил красную купюру к ногам женщины. От неожиданности та подняла голову — и вдруг как закричит радостно! Это оказался ее муж!

Легко представить, как, спасаясь от немецкой оккупации, возможно, без денег и документов, она скиталась с детьми на руках, бедствовала, пока в конце концов не оказалась в Сибири, в Омске — где тоже никакой помощи не получила. Она ничего не знала о своем муже, а он ничего не знал о своей семье. И вот такая неожиданная встреча!

Забрав женщину и детей, раненые тут же ушли, и больше эту семью никто на рынке не видел.

И я еще тогда, в одиннадцать лет, поняла, как добрый, от сердца идущий поступок — пускай даже мелкий, бытовой, без какого-либо картинного героизма! — может восстановить расколотую жизнь, преодолеть беду.

Ровинская Инна

ПРИТЧА

Есть история об одном богатом булочнике, который попросил привести к нему детей из самых нищих семей в городке. Когда дети собрались, он сказал им:

- В этой корзине лежит по буханке хлеба на каждого из вас. Возьмите каждый по одной, а завтра приходите опять, и я опять дам вам хлеба.

Моментально вокруг корзины завязалась едва ли не драка. Каждый старался захватить буханку больше. Расхватав хлеб, дети разбежались, даже не поблагодарив в спешке булочника.

И только маленькая, совсем плохо одетая девочка тихо стояла в стороне и ждала, когда все разойдутся.

Потом она подошла, взяла оставшуюся на дне самую маленькую буханку, поцеловала руку булочнику и пошла домой. На следующий день всё повторилось снова, как вчера.

Но когда дома мать девочки стала резать хлеб, внутри буханки оказались серебряные монеты. Девочка принесла эти деньги назад булочнику, но тот сказал:

- Нет, дитя мое, это не случайность. Я специально положил их в самую маленькую буханку, чтобы наградить тебя.

Многие люди утверждают, что сами могут постоять за себя. А смиренным Бог помогает.

РЕБЕНОК, ПОДАРЕННЫЙ БОГОМ

Я никогда не думала, что у меня в замужестве не будет детей. И тем более не могла себе представить, что когда-нибудь откажусь от своего ребенка, когда он, наконец, появится. Но у каждого в жизни свои испытания, и венец их — радость. Если только мы с Богом...

Семь лет мы с мужем прожили в браке, а детей у нас все еще не было. Молясь о даровании деток, я просила, чтобы у меня родился ребенок, угодный Богу. Сама не знала, что вкладывала в эти слова, но мне хотелось, чтобы мой ребеночек был каким-то необыкновенным...

Беременность моя проходила очень легко — радостно и спокойно, и все анализы были хорошие. Такого мирного и счастливого состояния я не чувствовала ни до, ни после! Так что когда родился Владик, его диагноз — синдром Дауна — стал для меня полной неожиданностью...

Врачи настойчиво советовали мне отказаться от сына, оставить Владика в Доме ребенка. Говорили, что такие дети не умеют любить, что они даже не понимают, кто их мама или папа, и им лучше находиться в спецучреждении. Приводили и другие доводы: наше общество не принимает таких детей; я не смогу работать, ухаживая за ребенком; семьи, где появляются такие малыши, распадаются — муж не выдерживает, когда жена полностью поглощена проблемами больного ребенка.

Поразительнее всего, что когда в разговоре с врачами я пыталась улыбаться, как-то разрядить обстановку, они строго говорили: «Как ты можешь улыбаться? Как ты способна еще чему-то радоваться? Ты не понимаешь всей сложности своей ситуации!»

После такого давления, после долгих и мучительных раздумий и сомнений мы всей семьей приняли решение отказаться от ребенка. Остановились на том, что будем приходить его навещать...

Но когда мы приняли это решение, в моей душе наступил крошечный ад. Я именно тогда поняла, что такое душа! Душевная боль была

всепоглощающая, невыносимая, я не могла этого выдерживать... Засыпала и просыпалась с этой болью. Мне казалось, что солнце больше для меня не светит — я действительно находилась в аду!

Так я мучилась несколько дней... А потом зашла в тот самый храм, где когда-то молилась о даровании ребенка. Все иконы как будто смотрели на меня с осуждением: «Ты просила — и Господь дал тебе ребеночка. Что же ты от него теперь отказалась?!»

Я подходила со своей болью ко всем — к священникам, к простым людям в храме. Меня все утешали, видя мое состояние. Но одна женщина, с которой я поделилась своим горем, сказала мне очень строго: «Какая же ты мать! Как ты смогла его оставить!» И тут я поняла: ведь если я заберу сына обратно, этой боли не будет! И мне сразу стало легче.

Мы с мужем быстро оформили все документы, и в 4 месяца Владик уже был дома.

После этого Господь дал мне почувствовать такую материнскую любовь, которая смогла покрыть все трудности, все страхи, связанные с воспитанием такого необычного ребенка. Я благодарила Бога за то, что он дал мне Владика, и за то, что благодаря сыну я сама стала другой.

Однажды ночью я обращалась с этими словами к Богу и вдруг почувствовала Его присутствие... На ум пришли такие слова, как будто Сам Господь вложил мне их в душу: «Ты теперь ощущаешь радость, потому что живешь с тем, что Я тебе дал — это райское состояние души. А вспомни ту боль, то адское состояние! Теперь не мучайся, не ломай голову, кто виноват и почему твой сын такой. Это Я дал его тебе!» Наутро, конечно, я стала сомневаться, было это на самом деле или нет. Посоветовалась со священником, и тот сказал, что так Господь открыл Свою волю обо мне, и это понимание Божьего замысла должно поддерживать меня в трудные времена.

С этого момента началось воцерковление

(Продолжение на стр.11)

(Продолжение)

нашей семьи.

Уже потом, вспоминая о том периоде моей жизни, я, наконец, поняла, какую помощь посылал мне Господь!

Насколько трудны испытания — настолько же мощную поддержку Он оказывает человеку.

Я почувствовала это на себе. У меня не было никаких знаний о синдроме Дауна — чего ожидать, чего опасаться. Но я постоянно встречала людей с такими же, как и у меня, детьми, общалась с ними, узнавала, как они живут. Причем родители рассказывали вещи, совсем противоположные тому, о чем предостерегали меня врачи: я узнавала, что эти дети умеют любить как никакие другие, и это было для меня большой поддержкой.

Помню, когда еще Владик был в Доме ребенка, врач сказала мне, что в газете «Таганрогская правда» год назад вышла статья о том, как заниматься с подобными детками, развивать их, ухаживать за ними. Очень захотелось прочитать ее. И вот однажды у входа в магазин я увидела такого же мальчика, как мой сын. Решила посмотреть, с кем он пришел. Из магазина вышла женщина — я подошла к ней, рассказала о себе, о Владике. И оказалось, она и есть автор той самой статьи в газете!

И такую помощь и поддержку я получала постоянно. Лишь только меня одолеют сомнения, уныние (например, я очень переживала, что в 8 месяцев Владик еще не сидел. «А будет ли он вообще ходить?» — думала я), тут же происходит какое-нибудь событие, встреча, которые приносят мне уверенность, дают импульс двигаться дальше.

Когда Владiku исполнился год, я уже утвердилась в том, что это мой путь, моя жизнь.

Сейчас Владiku девять. Он занимается в коррекционной школе, но с большим удовольствием посещает воскресную школу Свято-Георгиевского храма, даже ходил в приходской лагерь.

А в прошлом году моему сыну назначили операцию, с которой связано одно необычайное

событие в нашей жизни... Я очень люблю и почитаю святителя Луку (Войно-Ясенецкого), талантливейшего хирурга, профессора медицины. Его автобиографическая книга «Я полюбил страдание» потрясла меня до глубины души. Я часто молюсь ему, особенно когда Владик находится на лечении — а он постоянно нуждается во врачебной помощи.

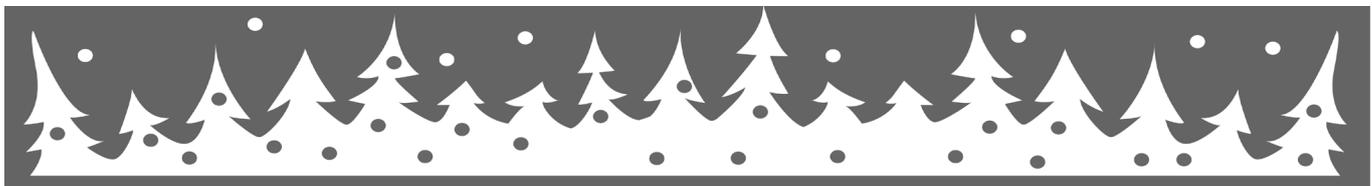
Так было и в тот день: когда моего сына уже повезли в операционную, я не переставая молилась и просила святителя: «Батюшка Лука! Помогите врачам сделать операцию!» Так молясь, я просидела в коридоре более четырех часов, но на душе было так спокойно, будто все уже успешно завершилось. Волнения не было совсем. Операция закончилась, и мы благополучно вернулись домой.

Через какое-то время мы с Владиком зашли в наш храм и стали после службы прикладываться к иконам. Когда мы подошли к иконе святителя Луки — а она как раз в это время появилась в нашем храме — Владик сказал: «Он делал мне операцию!» Я спросила его: «А ты точно видел?» — «Видел!» Я уверена, что сын не мог этого придумать, и верю, что святой Лука нам помог.

Так мы и живем, с Божьей помощью. Господь благословил нас еще одним малышом...

Я поделилась здесь самым сокровенным в своей жизни для того, чтобы моя история послужила во славу Божью и в укрепление таких же мамочек, как я.

Галина Шевченко, Таганрог

БЛОНДИНКА

Отец Виталий отчаянно сигналил вот уже минут 10. Ему нужно было срочно уезжать на собрание благочиния, а какой-то громадный черный джип надежно «запер» его машину на парковке около дома.

«Ну что за люди?! – мысленно возмущался отец Виталий – Придут, машину бросят, где попало, о людях совсем не думают! Ну что за безчинство?!»

В мыслях он рисовал себе сугубо мужской разговор с владельцем джипа, которого представлял себе как такого же огромного обритого дядьку в черной кожаной куртке. «Ну, выйдет сейчас! Ну, я ему скажу!..» – кипел отец Виталий. Тут наконец-то одна дверь звякнула пружиной и начала открываться. Отец Виталий вышел из машины, намереваясь высказать оппоненту все, что о нем думает. Дверь открылась и на крыльцо вышла ... блондинка. Типичная представительница гламурного племени в обтягивающих черных джинсиках, в красной укороченной курточке с меховым воротником и меховыми же манжетами, деловито цокающая сапожками на шпильке.

– Ну чё ты орешь, мужик? – с интонацией Верки Сердючки спросила она, покручивая на пальчике увесистый брелок. Накрашенные и явно наращенные реснички взметнулись вверх, как два павлиньих хвоста над .. глазками.

– Ну, ты чё, подождать не можешь? Видишь, люди заняты!

– Знаете ли, я тоже занят и тороплюсь по очень важным делам! – изо всех сил стараясь сдерживать эмоции, ответил отец Виталий блондинке, прошествовавшей мимо него и стала рыться в салоне, выставив к собеседнику обтянутый джинсами тыл.

– Торопится он... – продолжила монолог девушка – Чё те делать, мужик? – тут она, наконец, повернулась к отцу Виталию лицом. Несколько мгновений она смотрела на него, приоткрыв пухлые губки и хлопая своими гигантскими ресницами. – О, – наконец изрекла она – Поп, что ли? Ну все, день насмарку! – как-

то достаточно равнодушно, больше для отца Виталия, чем для себя, сказала она и взобралась в свой автомобиль, на фоне которого смотрелась еще более хрупкой.

Стекло водительской двери опустилось вниз и девушка весело крикнула:

– Поп, ты отошел бы, что ли, а то ведь перееду и не замечу!

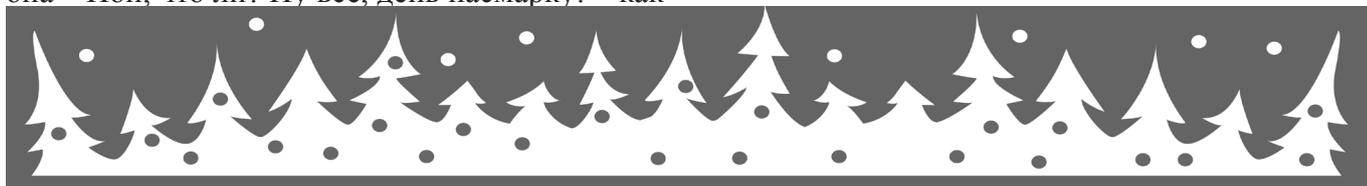
Отец Виталий, кипя духом, сел в свою машину. Джип тяжело развернулся и медленно, но уверенно покотился к дороге. Отцу Виталию надо было ехать в ту же сторону. Но чтобы не плестись униженно за обидчицей, он дал небольшой крюк и выехал на дорогу с другой стороны.

Отец Виталий за четыре года своего служения повидал уже много всяких-разных людей: верующих и не верующих, культурных и невоспитанных, интеллигентных и хамов. Но, пожалуй, никто из них не вводил его в состояние такой внутренней беспомощности и такого неудовлетворенного кипения, как эта блондинка. Не то, что весь день – вся неделя пошла наперекосяк. Чем бы батюшка не занимался, у него из головы не выходила эта меховая блондинка на шпильках. Ее танково-спокойное хамство напрочь выбило его из того благодушно-благочестивого состояния, в котором он пребывал уже достаточно долгое время.

И, если сказать откровенно, отец Виталий уже давно думал, что никто и ничто не выведет его из этого блаженного состояния душевного равновесия. А тут – на тебе! В конце-концов, с мужиком можно выяснив суть да дело, похлопать друг друга по плечу и на этом конфликт был бы исчерпан. А тут – девчонка. По-мужски с ней никак не разобраться, а у той, получается, все руки развязаны. И не ответишь, как хотелось бы, – сразу крик пойдет, что поп, а беззащитных девушек оскорбляет.

Матушка заметила нелады с душевным спокойствием мужа. Батюшка от всей души нажаловался ей на блондинку.

(Продолжение на стр.13)

(Продолжение)

– Да ладно тебе на таких-то внимание обращать, – ответила матушка – Неверующая, что с неё взять? И, судя по всему, не очень умная.

– Это точно, – согласился отец Виталий – взятки-гладки, была бы умная, так себя бы не вела.

Отец Виталий начал было успокаиваться, как жизнь преподнесла ему еще один сюрприз. Как нарочно, он стал теперь постоянно сталкиваться с блондинкой во дворе. Та как будто специально поджидала его. И, как нарочно, старалась досадить батюшке. Если они встречались в дверях подъезда, то блондинка первая делала шаг навстречу, и отцу Виталию приходилось сторониться, чтобы пропустить ее, да еще и дверь придерживать, пока эта красавица не продефилирует мимо. Если отец Виталий ставил под окном машину, то непременно тут же, словно ниоткуда, появлялся большой черный джип и так притирался к его «шкоде», что батюшке приходилось проявлять чудеса маневрирования, чтобы не задеть дорогого «соседа» и не попасть на деньги за царапины на бампере или капоте.

Жизнь отца Виталия превратилась в одну сплошную мысленную войну с блондинкой. Даже тематика его проповедей изменилась. Если раньше батюшка больше говорил о терпении и смирении, то теперь на проповедях он клеймил позором безстыдных женщин, покрывающих лицо слоями штукатурки и носящих искусственные волосы, чтобы уловлять в свои сети богатых мужчин и обеспечивать себе безбедную жизнь своим безстыдным поведением. Он и сам понимал, что так просто изливает свою бессильную злобу на блондинку. Но ничего не мог с собой поделать. Даже поехав на исповедь к духовнику, он пожаловался на такие смутительные обстоятельства жизни, чего прежде никогда не делал.

– А что бы ты сказал, если бы к тебе на исповедь пришел бы твой прихожанин и ожаловался на такую ситуацию? – спросил духовник. Отец Виталий вздохнул. Что бы он сказал? Понятно, что – терпи, смиряйся, молись... Впервые в жизни он понял, как порой нелегко, да что там

– откровенно тяжело исполнять заповеди и не то что любить – хотя бы не ненавидеть ближнего.

– Я бы сказал, что надо терпеть, – ответил отец Виталий. Духовник развел руками.

– Я такой же священник, как и ты. Заповеди у нас у всех одни и те же. Что я могу тебе сказать? Ты сам все знаешь.

«Знать-то знаю, – думал отец Виталий по дороге домой – Да что мне делать с этим знанием? Как исповедовать, так совесть мучает. Людей учу, а сам врага своего простить не могу. И ненавижу его. В отпуск, что ли, попроситься? Уехать на недельку в деревню к отцу Сергию. Отвлечься. Рыбку половить, помолиться в тишине...»

Но уехать в деревню ему не довелось. Отец Сергей, его однокашник по семинарии, позвонил буквально на следующий день и сообщил, что придет с матушкой на пару деньков повидаться.

Отец Виталий был несказанно рад. Он взбодрился и даже почувствовал какое-то превосходство над блондинкой, по-прежнему занимавшей его ум, и по-прежнему отравлявшей ему жизнь. В первый же вечер матушки оставили мужей одних на кухне, чтобы те могли расслабиться и поговорить «о своем, о мужском», а сами уединились в комнате, где принялись обсуждать сугубо свои, женские, проблемы.

За чаем беседа текла сама собою, дошло дело и до жалоб отца Виталия на блондинку.

(Продолжение на стр.14)

(Продолжение. Начало на стр.12)

– С женщинами не связывайся! – нравоучительно сказал отец Сергей – Она тебя потом со свету сживет. Ты ей слово – она тебе двадцать пять. И каждое из этих двадцати пяти будет пропитано таким ядом, что мухи на лету будут дохнуть.

– Да вот, стараюсь не обращать внимания, а не получается, – сетовал отец Виталий.....

Когда гости собрались в обратный путь. Отец Виталий с матушкой и двухлетним сыном Феденькой вышли их проводить.

И тут в тихий двор ворвалась смерть. Она неслась на людей в образе огромного многотонного грузовика, неизвестно откуда взявшегося здесь, в тихом провинциальном дворе. Священники молча смотрели на стремительно приближающийся КАМАЗ. Отлетела в сторону урна, выдранная из земли скамейка подлетела вверх метра на два. «Зацепит или нет?» – успел подумать отец Виталий, мысленно прикидывая возможную траекторию движения машины.

И тут что-то светленькое мелькнуло на дорожке. Феденька выбежал на асфальт за укатившимся мячиком. Ни отец Сергей, ни отец Виталий, ни обе матушки не успели даже понять и сообразить, что надо сделать, чтобы спасти ребенка, да, наверное, и не успели бы ничего сделать. Их опередил тот самый джип, который секунду назад проехал мимо. Они увидели, что машина, взревев мотором, резко рванула вперед прямо в лоб КАМАЗу.

Оглушительный грохот, страшный, рвущий нервы скрежет металла, звук лопающихся стекол – все это свершилось мгновенно. Обломки попадали на землю. Асфальт был покрыт слоем осколков от фар. Куски бампера, решетки, еще чего-то усеяли все вокруг. А затем наступила звенящая тишина, которую не смогла нарушить даже стая голубей, испуганно вспорхнувшая с крыши и тут же усевшаяся на другую крышу.

И посреди всего этого хаоса стоял Феденька и ковырял пальцем в носу. С недоумением смотрел он груды металла, в которую превратился джип, а потом оглянулся на родителей, словно

спрашивая, что же такое тут произошло? Первой очнулась матушка отца Сергея. Она бросилась к мальчику и на руках вынесла его из кучи осколков. Матушка отца Виталия лежала в обмороке. К машинам бежали картежники – выручать людей. КАМАЗ открыли сразу и вытащили на асфальт мертвое тело водителя. Судя по вмятине на лобовом стекле, он погиб от удара головой об него. А двери джипа, смятые и вдавленные, открыть не удавалось. За темными стеклами не было возможно ничего разглядеть. Джип «ушел» в грузовик по самое лобовое стекло. Кто-то из местных автомобилистов поливал джип из огнетушителя – на всякий случай.

Спасатели и две «скорых» подъехали через 20 минут. Джип пришлось резать, чтобы извлечь из него водителя. Подъехали гаишники, стали опрашивать свидетелей. Мало кто чего мог сказать, все сходилось в одном – во двор влетел неуправляемый КАМАЗ и врезался в джип.

– Да, ему тут и деваться-то некуда, – согласился один из гаишников, оглядев двор.

– Не так все было, – вдруг раздался голос старика Михалыча. Он подошел к гаишникам, дымя своей сигаркой. – Я все видел, я вон тама сидел, – показал он рукой на свою голубятню.

– Что Вы видели? – спросил гаишник, покосившись на смрадный окурочок.

– Да джип-то энтот, он ехал просто так, когда КАМАЗ-то выскочил. Он, может, и свернул бы куда, а вон сюда, хотя бы, – дед Михалыч кивнул на проулочек – Ведь когда КАМАЗ-то выехал,

(Продолжение на стр.15)

(Продолжение. Начало на стр.12)

джип-то вот здесь как раз и был. Да тут вон какое дело-то... Ребяенок ихний на дорогу выскочил. И джип-то, он вперед-то и рванул, чтобы, значит, ребяенка-то спасти. А иначе – как его остановишь-то, махину такую?

– То есть, водитель джипа пошел на лобовое столкновение, чтобы спасти ребенка? – чуть помолчав, спросил гаишник.

– Так и есть, – кивнул дед – С чего бы ему иначе голову-то свою подставлять? Время у него было, мог он отъехать, да вот, дите пожалел. А себя, значица, парень подставил.

Люди молчали. Дед Михей открыл всем такую простую и страшную правду о том, кого сейчас болгарками вырезали из смятого автомобиля.

– Открывай, открывай!
– раздались команды со стороны спасателей
– Держи, держи! Толя, прими сюда! Руку, руку осторожней!

Из прорезанной дыры в боку джипа трое мужчин вытаскивали тело водителя. Отец Виталий подбежал к спасателям:

– Как он?

– Не он – она! – ответил спасатель. Отец Виталий никак не мог увидеть лица водительницы – на носилках все было красным и имело вид чего угодно, только не человеческого тела. «Кто же это сделал такое? – лихорадочно думал отец Виталий – Она же Федьку моего спасла...»

Надо хоть имя узнать, за кого молиться...» Вдруг под ноги ему упало что-то странное. Он посмотрел вниз. На асфальте лежал хорошо знакомый ему блондинистый конский хвост. Только теперь он не сверкал на солнце своим синтетическим блеском, а валялся грязный, в кровавых пятнах, похожий на мертвое лохматое животное.

Оставив на попечение тещи спящую после инъекции успокоительного матушку и так ничего

и не понявшего Федю, отец Виталий вечером поехал в больницу.

– К вам сегодня привозили девушку после ДТП? – спросил он у медсестры.

– Карпова? Она прооперирована, сейчас без сознания в реанимации. Звоните по телефону, Вам скажут, если она очнется, – оттараторил хирург и умчался куда-то вниз.

Всю следующую неделю отец Виталий ходил в больницу. Карпова так и не приходила в себя. По несколько раз на дню батюшка молился о здравии рабы Божией, имя же которой Господь знает. Он упрямо вынимал частицы за неё, возносил сугубую молитву и продолжал звонить в больницу, каждый раз надеясь, что Карпова

пришла в себя. Отец Виталий хотел сказать ей что-то очень-очень важное, что рвалось у него из сердца. Наконец, в среду вечером, ему сказали, что Карпова пришла в себя. Бросив все дела, отец Виталий помчался в больницу. Едва поднявшись на второй этаж, он столкнулся с тем же хирургом, которого

видел здесь в первый день.

– Извините, Вы могли бы мне сказать, как состояние Карповой? – спросил батюшка.

–Понимаете, мы даем информацию только родственникам, – ответил хирург.

– Мне очень нужно, – попросил отец Виталий – Понимаете, она моего ребенка спасла.

–А, слышал что-то... Пошла в лобовое, чтобы грузовик остановить... Понятно теперь... К сожалению, ничего утешительного сказать Вам не могу. Мы ведь ее буквально по кускам собрали. Одних переломов семь, и все тяжелые. С такими травмами обычно не живут. А если и выживают – до конца жизни прикованы к постели. Молодая, может, выкарабкается.

– А можно мне увидеть её?

(Продолжение на стр.16)

(Продолжение. Начало на стр.12)

Врач окинул священника взглядом.

– Ну, вон халат висит – возьмите, – со вздохом сказал он – Я Вас провожу. И никому ни слова.

Отец Виталий вошел в палату. На кровати лежало нечто, все в бинтах и на растяжках. Краем глаза он заметил на спинке кровати картонку: Карпова Анна Алексеевна, 1985 г.р. Батюшка подставил стул к кровати, сел на него и наклонился над девушкой. Лицо её было страшное, багрово-синее, распухшее. Девушка приоткрыла глаза. Глаза у неё были обычные, серые. Не было в них ни наглости, ни хищности. Обычные девчачьи глаза.

– Это Вы? – тихо спросила она.

– Да. Я хочу поблагодарить Вас. Если я могу как-то помочь Вам, скажите.

– Как Ваш малыш? – спросила Аня.

– С ним все в порядке. Он ничего не понял. Если бы не Вы...

– Ничего, – ответила Аня. Наступила тишина, в которой попискивал какой-то прибор.

– Вы, правда, священник? – спросила Аня.

– Да, я священник.

– Вы можете отпустить мне грехи? А то мне страшно.

– Не бойтесь. Вы хотите исповедоваться?

– Да, наверное. Я не знаю, как это называется.

– Это называется исповедь, – отец Виталий спешно набросил епитрахиль – Говорите мне все, что хотите сказать. Я Вас слушаю очень внимательно.

– Я меняла очень много мужчин, – сказала Аня после секундной паузы – Я знаю, что это плохо, – она чуть помолчала – Еще я курила.

Отец Виталий внимательно слушал исповедь Ани. Она называла свои грехи спокойно, без слезливых истерик, без оправданий, без желания хоть как-то выгородить себя. Если бы батюшка не знал, кто она, то мог бы подумать, что перед ним глубоко верующий, церковный, опытный в исповеди человек. Такие исповеди нечасто приходилось принимать ему на приходе – его бабушки и тетушки обычно начинали покаяние с жалоб на ближних, на здоровье, с рассуждений, кто «правее»... Либо это было непробиваемое

«живу, как все».

Аня замолчала. Отец Виталий посмотрел на неё – она лежала с закрытыми глазами. Батюшка хотел уже было позвать сестру, но девушка опять открыла глаза. Было видно, что она очень утомлена.

– Все? – спросил отец Виталий.

– Я не знаю, что еще сказать, – ответила Аня. Священник набросил ей на голову епитрахиль и прочитал разрешительную. Некоторое время они оба молчали. Потом Аня с беспокойством спросила:

– Как Вы думаете – Бог простит меня?

– Конечно, простит, – ответил батюшка – Он не отвергает идущих к Нему.

Тут Аня улыбнулась вымученной страдальческой улыбкой.

– Мне стало лучше, – тихо сказала она и закрыла глаза. Тишина палаты разрушилась от резкого звонка. В палату вбежала медсестра, потом двое врачей, началась суматоха, отчаянные крики «Адреналин!». Отец Виталий вышел из палаты и сел в коридоре на стул. Он думал о Вечности, о смысле жизни, о людях. От мыслей его заставила очнуться вдруг наступившая тишина. Двери палаты широко раскрыли и на каталке в коридор вывезли что-то, закрытое простыней. Отец Виталий встал, провожая взглядом каталку. «Я же не попросил у неё прощения!» – с отчаянием вспомнил он.

Через два года у отца Виталия родилась дочка. Девочку назвали Аней.

Лилия Малахова

А ТЫ ХРИСТИАНИН?

Одному священнику дали назначение переехать служить в один сельский храм. Приехав в село, священник переоделся в БОМЖА и посетил храм.

Он ходил вокруг церкви, которую вскоре должны были передать ему

для служения, в течение 40 минут, в то время, как она заполнялась людьми... Он попросил, чтобы люди подали ему мелочь, чтобы купить еду...

Но никто из людей, пришедших в храм – не подал ему даже мелочь.

Он по-доброму приветствовал людей, но в ответ получил пристальные и неодобрительные, порой брезгливые, взгляды людей, смотрящих свысока на него – нищего и оборванного бомжа.

Когда он сидел в задней части церкви, староста сказал, что рад представить нового священника церкви пастве...

Паства смотрела вокруг, аплодируя от радости и ожидания...

И тогда Бездомный человек вышел к алтарю... , хлопанье прекратилось, глаза были устремлены на него...

Тогда он прочитал: «Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону

Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство,

уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали — Мне есть;

жаждал, и вы напоили — Меня; был странником, и вы приняли — Меня; был наг, и вы одели — Меня; был болен, и вы посетили — Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне.

Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя

алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне.

Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: ИДИТЕ — от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы — не дали Мне есть; жаждал, и вы — не напоили Меня; был странником, и — не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели — Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили — Тебе? Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали — Мне».

После того, как он прочитал это, он посмотрел на мирян и рассказал им всем, что он испытал тем утром...

Многие начали плакать, и много голов были склонены в стыде и молитве, тогда он сказал: «Сегодня я вижу собрание людей, а не церковь...

У мира достаточно людей - обычных обывателей, но недостаточно – учеников Христа...

Когда вы наконец — решите стать учениками? Ибо много Званых,

Много - крещеных, но мало — ИЗБРАННЫХ, настоящих Православных христиан!

Быть христианином — это больше, чем то, что вы думаете. Это то, чем — вы живете и делитесь с другими!

Вячеслав Сафронов

ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ИОАННА
КРОНШТАДТСКОГО

1 ДЕКАБРЯ	Чт	Литургия	09:00	ПЛАТОН И РОМАН
2 ДЕКАБРЯ	Пт	Литургия	09:00	ФИЛАРЕТ МОСКОВСКИЙ
		Вечерня с акафистом	16:00	«НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША»
3 ДЕКАБРЯ	Сб	Литургия	09:00	Предпразднство Введения
		Всенощное бдение	16:00	ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ БОГОРОДИЦЫ
4 ДЕКАБРЯ	Вс	Литургия	09:00	<i>Иоаннъ Кронштадтский</i>
		Акафист	16:00	
		Воскресная школа д/взрослых	17:00	
6 ДЕКАБРЯ	Вт	Литургия	09:00	АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ
7 ДЕКАБРЯ	Ср	Литургия	09:00	ВМЦ ЕКАТЕРИНА
9 ДЕКАБРЯ	Пт	Вечерня с акафистом	16:00	«В РОДАХ ПОМОЩНИЦА»
10 ДЕКАБРЯ	Сб	НОВГОРОД	10:00	Икона «ЗНАМЕНИЕ»
		Всенощное бдение	16:00	СЕРАФИМ ЧИЧАГОВ
11 ДЕКАБРЯ	Вс	Литургия	09:00	<i>Иоаннъ Кронштадтский</i>
		Акафист	16:00	
		Воскресная школа д/взрослых	17:00	
13 ДЕКАБРЯ	Вт	Литургия	09:00	АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ
15 ДЕКАБРЯ	Чт	Литургия	09:00	АВВАКУМ ПРОРОК
16 ДЕКАБРЯ	Пт	Литургия	09:00	САВВА СТОРОЖЕВСКИЙ
		Вечерня с акафистом	16:00	«НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША»
17 ДЕКАБРЯ	Сб	Литургия	09:00	ГЕННАДИЙ НОВГОРОДСКИЙ
		Всенощное бдение	16:00	САВВА ОСВЯЩЕННЫЙ
18 ДЕКАБРЯ	Вс	Божественная Литургия	08:00	<i>Иоаннъ Кронштадтский</i>
		Акафист	16:00	
		Воскресная школа д/взрослых	17:00	
19 ДЕКАБРЯ	Пн	Литургия	09:00	НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ
		КИРВА. Литургия	09:00	
22 ДЕКАБРЯ	Чт	Литургия	09:00	«НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ»
23 ДЕКАБРЯ	Пт	Литургия	09:00	ИОАСАФ БЕЛГОРОДСКИЙ
		Вечерня с акафистом	16:00	«В РОДАХ ПОМОЩНИЦА»
24 ДЕКАБРЯ	Сб	Литургия	09:00	ДАНИИЛ СТОЛПНИК
		Всенощное бдение	16:00	СПИРИДОН ТРИМИФУНТСКИЙ
25 ДЕКАБРЯ	Вс	Божественная Литургия	09:00	<i>Иоаннъ Кронштадтский</i>
		Акафист	16:00	
		Воскресная школа д/взрослых	17:00	
28 ДЕКАБРЯ	Ср	Литургия	09:00	ПАВЕЛ ЛАТРИЙСКИЙ
29 ДЕКАБРЯ	Чт	ЦРЬ. Причастие	09:00	ПРОРОК АГГЕЙ
		Литургия	09:00	
30 ДЕКАБРЯ	Пт	Литургия	09:00	ОТРОКИ БЛАГОЧЕСТИВЫЕ
		Вечерня с акафистом	16:00	«НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША»
31 ДЕКАБРЯ	Сб	Литургия	09:00	СИМЕОН ВЕРХОТУРСКИЙ

В расписании возможны изменения.

Священник Сергей Лысенко 8(963) 33-33-269

Дорогие братья и сестры.
Просим вас не использовать газету
в хозяйственных нуждах.

Главный редактор: священник Сергей Лысенко
Редактор: Елена Колыбина
Учредитель: Церковь Святого Иоанна Кронштадтского
Цена свободная. Тираж 200 экземпляров.